

– Ямасина-сан и Инаба-кун, на вас доставка в «Эйко».

— Хорошо.

В тот день в первой половине дня меня попросили помочь с доставкой грузов.

По дороге к компании-адресату, Яма-сан вдруг заговорил:

— Ты знаешь, вчера, когда у Кавасимы и Сасаки закончилась смена...

— Угу?

— Они, как положено, сняли кепки и со всеми попрощались. А ведь всегда молча уходили.

За насмешливостью в тоне Яма-сана мне слышалась радостная нотка.

И здесь рядом со мной есть люди, искренне гордящиеся успехами своих младших товарищей. Прямо как мои сэмпай из особняка. Надеюсь, наши студенты когда-нибудь это поймут.

— Понемногу... Да, пусть совсем понемногу, но все-таки они меняются к лучшему, — пробормотал себе под нос Яма-сан.

Это случилось, когда мы уже прибыли на место и приступили к разгрузке полутора десятков коробок. Я стоял перед открытыми дверями грузовика, когда внезапно у меня по спине пробежал холодок.

Я оглянулся по сторонам, но ничего особенного не заметил. Обычный район. Но дурное предчувствие не отпускало.

— Да что такое?

В ту же секунду в памяти вспыхнули слова Рю-сана:

«Третий глаз. В случае необходимости подключай его. Сверхъестественное станет лучше видно».

«Ну не в самом же деле...» — подумал я, но все равно зажмурился и представил, будто у меня на лбу открывается третий глаз.

Ничего не произошло.

«Если бы все было так просто...»

Усмехнувшись, я еще раз покрутил головой и почему-то посмотрел вверх. От увиденного у меня едва глаза на лоб не полезли.

На углу крыши соседней высотки стоял человек.

Нет, само по себе то, что кто-то находился на крыше, еще ничего не значило, но уж слишком близко к краю стоял этот конкретный человек.

— Только не говорите...

Я понял причину своего дурного предчувствия.

— Эй, Инаба, выгружай!

— Яма-сан! Там! Кажется, кто-то собирается прыгнуть!

— Что... Что?!

Женщина. Короткая стрижка, белая кофта без рукавов, красная юбка. Приглядевшись, я убедился, что она стояла за ограждением.

— Яма-сан, вызывайте полицию!

Я бросился ко входу в здание.

— И... Инаба! Ты что задумал, эй!

— Не волнуйтесь! Я ничего делать не буду!

Я не питал иллюзорных надежд, что мне удастся уговорить ее не прыгать. Но вдруг в моих силах было что-то сделать?

Поднявшись на лифте на последний, девятый этаж старого здания, я нашел лестницу, ведущую на крышу.

Осторожно выглядываю за дверь и тут же замечаю женщину. Даже вздрогнул от неожиданности, оказалось, она стоит совсем недалеко.

Ограждение было ей примерно по грудь. Женщина стояла, прислонившись к нему спиной, в шаге от края крыши — если не вставать прямо на него, опасности потерять равновесие и сорваться нет.

«Но не видом же она решила полюбоваться! Для этого через ограждение перелезть необязательно, получается, все-таки прыгать надумала!»

— Что вы намереваетесь делать, господин? — высунул из моего нагрудного кармана голову Фул.

— Ой! — я едва не подпрыгнул. — Умеешь ты выбирать момент, Фул! В смысле, что? Ничего. Лезть к ней с разговорами по душам я не собираюсь. Для этого есть специально обученные люди.

Видимо, женщина услышала мой шепот и обернулась. Я невольно замер.

Она оказалась намного моложе, чем я думал. Старшеклассница. Ну, максимум ей лет двадцать.

— Ты что там забыл? — резким тоном спросила она.

Это я у тебя хотел бы спросить!

— Опасно там стоять, — сдержавшись, спокойно сказал я.

— Тебе-то какое дело! — и девушка отвернулась. Но тут же опять сердито на меня покосилась. — Надоело мне все! Дома, в школе, вообще все! Задолбали... своими придирками!

Я молча на нее уставился.

— Неужели это так сложно, просто оставить меня в покое! Какое им дело, чем я занимаюсь! Я что, мешаю кому-то?! Вечно указывают, как мне жить и что делать, а сами хоть раз бы меня послушали! Это нечестно!

Вот тебе и «какое тебе дело». Смотрите, как ее понесло. Может, она просто хочет выговориться? Я осторожно к ней приблизился.

— Нет, ты представляешь?! Я всего-то сходила к другу в гости! Лето же, в чем проблема, не понимаю! А папа с мамой вдруг разорались ни с того ни с сего, никогда раньше такого не

было! А что я, скажи, плохого сделала?! Что за отношение!

— Может, они просто за тебя волновались?

— А не надо за меня волноваться! Пусть оставят меня в покое! — звенящим от злости голосом прокричала девушка. Затем ее лицо резко разгладилось, и она устало продолжила. — Вот я и подумала, лучше умереть. Так будет проще. Никто больше не будет мне указывать, мне не придется опять выслушивать гадости или терпеть папины и мамины нотации, сплошные плюсы.

— Не говори ерунды, никакие родители не обрадуются смерти своего ребенка, — не подумав, выпалил я, и тут же мысленно себя обругал. В таких обстоятельствах нельзя спорить!

Девушка впилась в меня злым взглядом. Ее глаза блестели от навернувшихся слез.

Где-то в отдалении послышалась полицейская сирена.

Что делать? Воспользоваться «Пти», если ситуация выйдет из-под контроля? Сердце взволнованно колотилось в груди.

«Придумал! Ветер! Если заставить его подуть ей навстречу... Или, может, оглушить ее громом?!» — в панике прокручивал я в голове варианты.

Девушка, едва не плача, вымученно улыбнулась.

— Какая уже разница. Я все решила. Наконец-то станет тихо. Раз — и уже в раю...

— На небеса ты не отправишься. Самоубийцы остаются на земле, навеки привязанные к тому месту, где они умерли, — возразил я и взвыл про себя. Ну кто меня за язык тянет?!

Девушка изумленно на меня уставилась.

— Что ты несешь? Хочешь сказать, я типа тут привидением останусь? Совсем дурак? Привидений не бывает! Детский сад!

Я едва сдержался. Спокойствие, только спокойствие! Нельзя же взять и заявить, что привидения и нежить очень даже существуют! Сейчас не до споров на оккультные темы... или?..

— Как меня все достало... Надоело... Никакой радости от такой жизни. Одни проблемы... — как-то излишне мелодраматично вздохнула девушка, и тут перед ее глазами на углу крыши

появился крошечный человечек.

— Добрый день, миледи. Приятно познакомиться.

Человечек взмахнул рукой и низко поклонился.

Девушка остолбенела.

— Однако жарко сегодня, не находите? Чем стоять под таким солнцепеком, как насчет отправиться на море? Или испить чаю в прохладной комнате?

Девушка не шевелилась, только шею вытянула, будто хотела поближе рассмотреть человечка. Тот поднял указательный палец и укоризненно зацокал языком.

— Очень не советую вот так обрывать свою жизнь. Ад полон страшных чудовищ, знаете ли.

Дзям! — девушка отпрыгнула назад, врезалась всем телом в решетку ограждения и от неожиданности завизжала:

— Ия-а-а-а!!!

Этот вопль, наверное, разнесся по всему району. Оборвав крик, девушка проявила чудеса прыгучести: в одно движение перемахнула через ограждение и бросилась мне на грудь... точнее, провела самый настоящий захват, как в американском футболе.

Бам! — ударился я спиной об дверь на крышу.

— Бху!

— Спасите! Чудовище! Монстр! Привидение! Мне страшно! Боюсь! Ия-а-а-а!!!

Девушка разрыдалась в голос, точно маленький ребенок. Да что с ней такое?!

От самоубийства я ее благополучно спас, но теперь ее же как-то успокоить надо.

— Все хорошо, ничего страшного! Никаких привидений нет!

Тут подоспели полицейские с пожарными.

Девушку, продолжающую рыдать и судорожно обнимать одного из стражей порядка, увели.

После скупой похвалы мне прочитали длинную лекцию о том, что я самовольно полез туда, где должны действовать профессионалы.

С доставкой мы в итоге опоздали, но клиент вошел в наше положение, все-таки «человека спасли», и мы с Яма-саном, покончив с допущенной работой, вернулись в офис.

— Младшеклассница?!

Я едва чаем не поперхнулся.

— Сказали, учится в шестом классе.

Так той несостоявшейся самоубийце с детскими замашками на самом деле всего двенадцать лет. Неудивительно, что она вела себя, как ребенок.

— Но она выглядела, как самая настоящая старшеклассница! Высокая и одежда взрослая...

— Вырасти выросла, а ума нажить не успела... — вздохнули за обедом старшие грузчики. У многих дети уже учатся в средней и старшей школах. Для них это болезненная тема.

— С девочками особенно сложно. И переборщить с вниманием нельзя — обижаются, что свободы не дают, и обделить нельзя — куksятся, что тебе на них плевать. Вот и ломай голову...

— Но все-таки... расстаться с жизнью, потому что все надоело... Это уже перебор.

— В прошлом из-за такого люди с собой не кончали...

После обеда пришли Кавасима и Сасаки, всю смену мы проработали молча, зато во время ужина Яма-сан сказал им:

— Слышали, ребят, сегодня Инаба спас одну девчонку от самоубийства.

— Серьезно?!

Оба студента повернулись ко мне.

— Да как сказать, спас...

Я понял задумку Яма-сана: он хотел ненавязчиво втянуть нас, молодых, в общий разговор. Пока я пересказывал события утра, Кавасима и Сасаки, поедая бэнто, с интересом слушали.

После ужина обсуждение продолжилось.

— Думаю, она просто хотела таким образом к себе внимание привлечь: «Смотрите, как мне плохо, я даже умереть хочу», — сказал я. — Поэтому, даже не оказись меня там, едва ли она бы на самом деле прыгнула. Хотя бывают такие, кто запросто сигают с крыш, стоит только им в голову прийти такой идее.

Кавасима согласно закивал и задумчиво произнес:

— Мне немного знакомо это чувство...

Все посмотрели на него. Он впервые заговорил о себе.

— Когда ничего не радует, родители достали, ты думаешь такой, зачем я вообще живу...

— Ну так, все когда-нибудь так думают! — невольно повысил голос один из грузчиков, но Яма-сан жестом его успокоил.

— Даже нас, стариков, по молодости посещали подобные мысли, — мягко сказал он.

Кавасима едва заметно улыбнулся.

— Сейчас... я уже так не думаю.

— И правильно. Умереть из-за такой ерунды, это ж что родителям делать прикажешь, — грустно усмехнулся другой грузчик, и Кавасима решительно кивнул.

— Время бежит, а молодежь как думала, так и продолжает об этом думать, ничего не меняется.

— Я вот однажды как с отцом поругался, так с тех пор и не общались.

— Что, до сих пор?

— Ага. Раньше ж отцы какие были, упрямые до безумия, раз сказал — все, хоть тресни. Так мы и не помирились до самой его смерти.

Кавасима с нескрываемым изумлением на лице слушал грузчика.

— Я, конечно, жалею, ну, что мы не помирились, — продолжал он, — но саму ту ссору вспоминаю с улыбкой. Явно ведь и причина была глупая, я ее даже не помню, но как мы друг на друга орал! И ладно я, пацан безголовый, но и отец ведь тоже недалеко от меня ушел!

Взрослые все захохотали. Видимо, у всех нашлись в памяти похожие случаи.

Кавасима тоже улыбнулся. Естественно и искренно, сразу видно, что улыбка эта идет от сердца.

Приятно вот так послушать рассказы старших, осознать, что они, оказывается, ничем особенно от тебя не отличаются. Мне было хорошо знакомо это чувство облегчения, что накатывает в такие моменты.

Заметив задумчивое выражение на лице Сасаки, я уже обрадовался, что он, наверное, думает о том же, но...

— А привидения... на самом деле существуют? — посмотрев на меня, спросил он.

— Что?

— Та девочка ведь... получается, на самом деле видела привидение?

— Сасаки, ты что, привидений боишься? — насмешливо заулыбались грузчики, но Сасаки ответил на полном серьезе.

— Не то чтобы боюсь... Скорее интересуюсь... У меня в комнате тоже что-то странное происходит... Шаги чьи-то раздаются...

Неожиданный поворот разговора заставил всех переглянуться.

— Моридзио, — невозмутимо посоветовал я.

— Мо... моридзио[□]Конус соли на тарелочке.?

— Поставь в углы комнаты, говорят, хорошо помогает. Попробуй.

— А ты, смотрю, в этом хорошо разбираешься, Инаба.



— Кстати, да, я тоже о таком слышал.

— Моридзио... А! Это когда в плоску рис кладешь и втыкаешь в него палочки?

— Это моримэси[□]Подношение умершему., Сасаки!

Все захохотали.

— А что, это не одно и то же?

— Ты слишком много манги читаешь! — засмеялся Кавасима.

Глядя, как все вокруг него покатываются со смеху, Сасаки тоже в конце концов прыснул. Даже директор прибежал, чтобы узнать, чем вызвано такое веселье.

Кавасима и Сасаки до самого конца перерыва не написали ни одного сообщения.

— Еще раз позвольте поздравить вас с успехом этим утром, господин.

— Это ты молодец, Фул. Отлично справился.

— О, ваш скромный слуга не достоин столь лестных слов...

Сегодня я возвращаюсь с работы в приподнятом настроении. Пусть это чистое везение, что наша с Фулом задумка прошла удачно, но все равно, главное, что девочку мы спасли. Хоть и немного напугали. Но она еще легко отделалась!

— Признаться... я едва сдержался, чтобы не наподдать ей. Что еще за «проще умереть»? Сдурела совсем?!

Стоило мне об этом вспомнить, и в груди вскипало раздражение.

— Ты, конечно, прав. Но ведь и она в тот момент на самом деле в это верила. На один краткий миг, но все-таки. Лишь когда все позади, приходит понимание, что ты ошибался. Вопрос в том, хватит ли у тебя терпения переждать этот один-единственный момент, — задумчиво протянул Поэт, и мы с Хасэ кивнули.

— Действительно!..

— Нынешние дети совсем не умеют терпеть. Все-таки мир стал слишком удобным. Хотя и раньше дети из обеспеченных семей тоже терпеть не умели, правда же, Марико-тян?

Марико-сан едва не поперхнулась пивом.

— Ой, даже не спрашивайте! Вспоминать стыдно! Хоть со стыда сгорай!

— Марико-тян родилась в очень богатой семье.

— Вот как...

— В семье нуворишей, если точнее. Не как у Хасэ-куна, — и Марико-сан игриво повела плечами и показала нам язык. — У детей из по-настоящему богатых семей как раз есть голова на плечах. Они знают, что должны поддерживать семейное предприятие на плаву. Родители воспитывают их именно в таком ключе. У тебя же именно так, да, Хасэ-кун?

— Ну... Да, — Хасэ почесал затылок.

Его отец по сути всего в жизни добился собственными силами, но клан Хасэ сам по себе очень влиятельный. Точнее будет сказать, все его могущество сосредоточено в руках его главы — дедушки Хасэ, которого в финансовых кругах называют не иначе как «Император» или «Монстр».

— Благосостояние, достойное качество жизни — это все прекрасно, но когда жизнь становится слишком удобной, родители перестают учить детей усердию и терпению, а если их этому не учить, само по себе это в характере не воспитается. Сейчас в окружении детей все меньше взрослых, с которыми они могут непосредственно общаться, поэтому ответственность родителей за ребенка и их роль в его воспитании многократно возрастают, но они этого не понимают, и это самое страшное.

Все меньше взрослых... Дедушек и бабушек, соседей — они все меньше принимают участие в жизни современных детей.

— Раньше-то можно было со спокойной душой оставить ребенка одного, а сейчас за ними глаз да глаз нужен. Нелегко нынче быть родителем, — покачал головой Поэт.

— Счастливый все-таки ты человек, — сказал мне Хасэ, когда мы поднимались в мою комнату.

— Каждый день можешь рассказывать опытным и мудрым людям о прожитом дне, обсуждать с

ними что-то, учиться у них.

Я кивнул.

— Но ведь это в любой семье так? Между родителями и детьми?

— Ну, не сказал бы, — горько усмехнулся Хасэ. — Не так-то просто рассказывать все родителям. Ладно, когда ты еще маленький... Но сам подумай, кто лет в четырнадцать-пятнадцать живет душа в душу с родителями? Да скажи мне кто об этом, я не поверю!

— Даже так?

Я немного растерялся. Мне всегда казалось, что в семье Хасэ царят доверительные отношения.

— Нет, мы ладим. Точнее сказать, поддерживаем хорошие отношения. И это нормально, это часть воспитания, когда ребенок постепенно отдаляется от родителей.

— А, чтобы стать в будущем независимым?

— Ну да. По крайней мере, в эмоциональном плане. Вот и получается, что в этот период ты больше общаешься с друзьями, чем с родителями.

— Угу.

— Понятное дело, даже если они тебя раздражают и ты не хочешь к ним прислушиваться, лучше, когда родители есть, чем когда их нет. — И Хасэ приобнял меня одной рукой за плечи. — Но скажу откровенно, тебе невероятно повезло жить в этом общежитии, вокруг тебя столько потрясающих людей. Ты можешь обо всем им рассказать, обсудить, общими усилиями что-то решить. А сколько вокруг ребят, которые варятся в собственном соку и бесятся из-за этого?

— Угу.

Я сам считаю, что наше регулярное общение с обитателями особняка сильно повлияло на мои коммуникативные навыки. Раньше я только с Хасэ позволял себе близко общаться, со всеми же остальными выстраивал вокруг себя стену, но мои новые соседи не оставили от нее и камня на камне. И я, точно феникс, восстал из груды обломков...

Вдруг Хасэ вздрогнул и сильно сжал мне плечо.

В конце коридора, рядом с дверью в туалет, стояла «Садако-сан». Привидение высокой и худой девушки с длинными волосами, на лице которой нет ничего, кроме рта. Она совершенно

безобидна, но вид у нее еще тот. Даже Хасэ, когда впервые ее увидел, изрядно перетрусил.

— Ты что, все еще Садако-сан боишься?

— Нет, не то чтобы...

Видимо, та встреча все-таки оставила свой отпечаток. Я усмехнулся. Сочувственно.

— Хватить ржать.

— И не думал.

У всех свои слабости, что в этом плохого? А тебе, Хасэ, так подавно не помешало бы обзавестись парочкой-другой!

Пока мы готовились ко сну, Хасэ рассказал, как прошел его день.

Заинтересовавшись «танцевальными» движениями Буси, что тот показал, когда Хасэ играл в «Супер Марио», он решил в качестве эксперимента включить ему детскую программу. И теперь с восторгом описывал мне, как Буся вместе с ним танцевал и делал зарядку под музыку и указания ведущих.

Представив себе эту картину, я сложился пополам от смеха. Что бы сказали его подчиненные хулиганы, увидев своего главаря выплясывающим и приседающим перед телевизором в компании ребенка? Да у них глаза бы из орбит повылазили!

— А потом мы смотрели, как через сад шли гуськом буддийские монахи. Целая процессия — пятьдесят или шестьдесят человек, но маленькие, еще меньше Буси. Но выглядели как самые настоящие монахи.

Еще он помогал Ямада-сану выдирать «бегающие сорняки» — «Весь взмок, пока поймал!», — заглянул в незанятую комнату и увидел там существ, очень похожих на чернушек из анимационного фильма «Мой сосед Тоторо».

— Они такие — вжух! — и во все стороны! Прямо вылитые сусуватары! — сияя глазами, делился он впечатлениями.

— Верю тебе на слово.

И сам он — как Мэй из того же фильма, подумалось мне, и я опять расхохотался. Хасэ явно хорошо провел время.

После целого дня игр, работы, купания в термальном источнике и вкусного ужина мы, стоило нам вытянуться на футоне, заснули еще раньше Буси. Тот еще какое-то время носился, но даже когда он на меня наступал или хвост его плюшевого крокодила скользил по моему лицу, я не находил в себе силы открыть глаза.

Следующее утро. Мы с Хасэ проснулись с нарисованными фломастером на щеках кошачьими усами.

— Инаба, у тебя лицо чем-то черным измазано.

Я уже со счета сбился, сколько раз мне говорили об этом с самого утра. Хоть замойся и изотришь, а черный фломастер так легко с кожи не сходит. Все равно пятна остались.

— Да вот, ребенок родственников подшутил ночью.

— А-ха-ха-ха-ха-ха!

— Инаба-кун!

Пришедший на смену Сасаки с радостным видом подбежал ко мне.

— Ой, что это у тебя на лице?

— Не обращай внимания.

— Моридзио! Сработало!

— Серьезно?

— Правда?

Кавасима и старшие грузчики удивились еще больше моего.

— У меня в квартире две комнаты в традиционном стиле в шесть татами, и в дальней всегда было как-то неуютно. С самого переезда там постоянно будто кто-то ходит, чем-то шуршит... Вреда вроде никакого, нельзя сказать, чтобы комната была проклята или еще что-то, но все равно на нервы немного действует, когда спишь в соседней комнате.

— А с моридзио все прошло?

— Вообще как обрубило!

Все восхищенно выдохнули. Конечно, заслуги самого Сасаки в этом не было, но ему явно было приятно искреннее внимание, он весь так и светился, прямо не узнать.

Весь день потусторонние существа были главной темой разговоров.

— Я как-то на доставке подхожу к одному многоквартирному дому, а тут вдруг в кустах сбоку от входа такой бабах! Будто что-то грохнулось, я аж подпрыгнул. А сам смотрю — ничего. Уже потом узнал, что один из жильцов там выбросился, и насмерть.

— То есть этот грохот...

— Он и сейчас продолжает выбрасываться и разбиваться.

Я едва сдерживал улыбки, глядя на то, как Сасаки и Кавасима, точно замороженные, слушают страшилки старших грузчиков. Да уж, через сообщения такого не испытаеть.

— Видели наверняка на перекрестках, где произошла авария, букеты? Обычно, даже когда перед тобой перевернутая машина, особого внимания не обращаешь, а вот эти букеты прямо будто притягивают к себе взгляд. В такие моменты нужно быть начеку, у меня однажды руль чуть сам собой не вывернулся, едва удержал.

— Вы серьезно?!

— Я сам в привидения и прочую нечисть не верю, но все-таки случается порой нечто такое, необъяснимое. Поэтому всегда держу в машине амулет.

Сасаки и Кавасима понимающе закивали.

— Кстати, о нечисти и прочем, слышали историю о светофоре в туннеле <...> на трассе <...>?

— А-а, это про то, что нельзя трогаться с места на первый зеленый? Дождаться следующего?

— А я слышал, на трассе <...> в туман ехать нельзя!

— Или вот, когда едешь в <...>, сто процентов заблудишься, надо остановиться, переждать чуток, и можно опять ехать.

— А вы знаете, как когда-то очень давно ту местность называли? Барсучье логово!

Вот вам и еще одно доказательство, что настоящие мастера своего дела не станут слепо отрицать приметы и профессиональные суеверия. До этого дня подобные разговоры у нас не возникали, но теперь я знаю, что и здешние грузчики со всей серьезностью и уважением подходят к своей работе.

А молодежь с удовольствием и вниманием впитывала мудрость старших. Сасаки и Кавасима даже делали заметки в своих мобильных. Все-таки это были не анонимные байки, а личные истории настоящих живых людей.

С того дня дистанция между двумя студентами и старшими грузчиками резко сократилась.

Во-первых, парни стали работать намного активнее, перестали стесняться и тут же спрашивали, если им что-то было непонятно. Как следствие этого, они стали меньше ошибаться и их производительность увеличилась, что прибавило им уверенности.

Во-вторых, они все чаще общались с грузчиками и присоединялись в перерывах к общему кругу. Было очевидно, что их привлекали разговоры старших. Мобильные они все еще периодически доставали, но количество отсылаемых ими сообщений заметно уменьшилось.

На первую смену после О-Бона все принесли с собой привезенные из дома гостинцы. Глядя, как Кавасима и Сасаки наравне со всеми обсуждают овощи, фрукты и прочие местные продукты, директор Кэндзаки не сдержал радости.

— Все-таки дети так быстро ко всему привыкают.

— А привыкнув, так быстро начинают расти, — растроганно добавил управляющий.

— Молодец, Юси! — директор с размаха хлопнул меня по спине. Больно же!

— Я ничего такого... Все получилось само собой.

Я правда так думал. Самое главное, что Сасаки и Кавасима сами решили здесь остаться. Потому что здесь были их двери. Мы с Яма-саном просто в них постучались.

Но это они их открыли. Это они захотели впустить в свой внутренний мир все то новое, что находилось по другую сторону двери.

Мне вспомнились слова Рю-сана:

«Какая бы ни была судьба, как бы окружающие ни помогали, человек ничего не преодолеет, не будь на то его воля».

«Пока ты будешь прилагать усилия, обязательно найдется тот, кто протянет тебе руку помощи».

Сасаки и Кавасима изменились, потому что этого захотели, это результат их усилий, и он обязательно повлияет на всю их дальнейшую судьбу. Но это так пафосно звучит, что я, пожалуй, оставляю эту мысль при себе.

<http://tl.rulate.ru/book/98654/3346031>